

ОТЗЫВ

**официального оппонента, доктора исторических наук, профессора
Суховой Ольги Александровны на диссертацию
Марины Давидовны Книга «Становление и развитие системы
сельскохозяйственного просвещения в губерниях Европейской России
(90-е годы XIX в. – 1917 г.)», представленную на соискание ученой
степени доктора исторических наук
по специальности 07.00.02 – Отечественная история**

Проблема соответствия аграрной культуры российского общества целям и задачам модернизации является базовой для концептуального построения отечественной и зарубежной историографии изучения пореформенной эпохи. М. Д. Книга вне всякого сомнения удалось четко сфокусировать предметное поле своего исследования на одной из реперных точек общенаучного представления о модели перехода российской цивилизации к обществу модерна. Дефиниция предмета исследования как совокупности "методов, средств, способов и приемов передачи и получения аграрно-научных знаний, направленных на усовершенствование аграрного производства, повышения производительности труда, количественного и качественного роста продукции" (с. 4), предвосхищая собой последующую разработку проблемы, нацеливает на изучение системы трансляции и утверждения передового опыта сельскохозяйственного производства как одного из факторов, определяющих успешность российской модернизации, и, одновременно, критерия завершенности этого процесса. Анализ исторического опыта разработки и внедрения особой модели организационно-методического сопровождения процесса адаптации общества как системы к восприятию вызовов эпохи сегодня представляется чрезвычайно важным, что объясняется опять-таки переходным состоянием российской цивилизации. Задача утверждения нового технологического уклада, усвоение соответствующих ценностей и ориентаций требует

кропотливой и методической работы в деле создания специфических адаптационных механизмов. В этом отношении представленное к защите диссертационное исследование «Становление и развитие системы сельскохозяйственного просвещения в губерниях Европейской России (90-е годы XIX в. – 1917 г.)», безусловно, относится к числу актуальных и, вместе с тем, малоизученных тем российской исторической науки.

Проблема сельскохозяйственного просвещения российского общества рассматривается в хронологических рамках одного из самых сложных и драматичных этапов в российской истории, что позволяет оценить предмет исследования еще и как фактор системного кризиса. Кроме того, выбор темпоральных критериев объясняется автором, с одной стороны, завершением пореформенной эпохи (к сожалению, М. Д. Книга не поясняет свою позицию относительно критериев завершенности), кризисами внутреннего и внешнего порядка и голодом 1891-1892 гг., а, с другой, – деструкцией государственной системы организационно-методического сопровождения в 1917 г. (с. 23). В структуре периодизации истории распространения знаний о рациональных методах хозяйствования в губерниях Европейской России, разработанной автором, выбранный временной отрезок рассматривается как седьмой этап, очертивший собой завершенный процесс от осознания необходимости форсирования модернизации аграрной культуры до формирования целостной системы сельскохозяйственного просвещения (с. 32).

Научная проблема, решаемая в исследовании, заключается в разработке представления о формировании национальной системы адаптации основной массы населения Европейской России к восприятию ценностей современного технологического уклада.

Анализ структуры диссертации М. Д. Книга позволяет сделать заключение о полном ее соответствии требованиям к оформлению подобных работ и задаче обоснованности решения исследовательских задач и достижимости искомых научных результатов.

Разработка историографии проблемы осуществляется в рамках традиционного подхода, фокусирующего внимание на хронологических критериях систематизации исследований (с. 4–22). При этом критерием вычленения первого этапа выступает непосредственное участие современников в организации аграрно-просветительской деятельности, что превращает публикации последних в ценнейший нарративный источник. Фрагментарность исследований по аграрному просвещению и политизированная критичность суждений представлена в качестве ключевой характеристики историографии проблемы в советский период (с. 13). В качестве важнейшего результата научных поисков на современном этапе развития автор выделяет формирование региональных исследовательских школ по изучению аграрной модернизации. Отмечен рост исследовательского интереса к просветительской работе сельскохозяйственных обществ, к гендерным аспектам изучения проблемы (с. 14–20). Вместе с тем, по мнению М. Д. Книга, за пределами изученного в предметной области остается региональная специфика аграрно-просветительской деятельности, оценка эффективности проводимых мероприятий, изучение факторов и периодизации формирования и развития системы аграрного просвещения в Европейской России, что задает направления авторских разработок, способствует четкой формулировке цели и задач представленного исследования.

Одним из выводов частного порядка, представленного в ходе оценки историографической ситуации, выступает изучение аграрного просвещения как критерия и, одновременно, фактора модернизации. К сожалению, теория модернизации не рассматривается М. Д. Книга в качестве мерила концептуального становления исследовательской практики, несмотря на признание необходимости сочетания формационного и цивилизационного подходов к анализу фактов, явлений и процессов (с. 30).

Характеристика источниковой базы исследования, представленная в диссертации, свидетельствует о высоком уровне репрезентативности

суждений и выводов. В процессе поиска и введения в научный оборот письменных свидетельств о формировании системы мероприятий, направленных на распространение и утверждение новационного технологического уклада в аграрной сфере, о сочетании и взаимодействии государственной и общественной инициатив в деле аграрного просвещения М. Д. Книга обработала материалы 3-х центральных архивов: Государственного архива РФ, Российского государственного исторического архива и Российского государственного военно-исторического архива, а также 6-ти региональных архивов. Вне всякого сомнения, в представленном исследовании выполнены максимально возможные требования к формированию источниковой базы (территориальные, системные и количественные характеристики) (с. 24–30).

Принципиальное значение имеет критический анализ разрешительной практики и наблюдения Департамента полиции за проведением аграрно-просветительских мероприятий, представленных в материалах Ф. 102 ГАРФ. Представляется обоснованным привлечение к анализу документов, хронологически привязанных к первой половине XIX в., в частности, материалов Ф. 405 РГВИА (Департамент военных поселений), что позволило оценить результативность первых шагов государственной политики в деле распространения аграрного образования и новых технологий. Основные материалы, сформировавшие корпус источников исследования М. Д. Книга, диверсифицированы в фондах Российского государственного исторического архива (Министерство земледелия и государственных имуществ, Департамент земледелия и др.). Необходимо отметить и обращение автора к документам столичных и провинциальных региональных архивов (Центрального государственного архива города Москвы, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга, Государственного архива Воронежской, Орловской, Тамбовской и Курской областей). Охват территории Центрального Черноземья в купе с изучением центров трансляции новейших агрокультурных технологий позволил создать

репрезентативную и обстоятельную базу исторического исследования системных характеристик, а также региональной специфики рассматриваемого процесса. Сочетание разноплановых документов и их критический разбор позволил М. Д. Книга создать аргументированную теоретическую модель становления и развития системы сельскохозяйственного просвещения в губерниях Европейской России в 90-е гг. XIX – 1917 г. и решить все поставленные исследовательские задачи.

Таким образом, научная новизна рецензируемой работы определяется, прежде всего, введением в широкий научный оборот не публиковавшихся ранее документов, раскрывающих такие аспекты проблемы, как: анализ системных характеристик, изучение факторов, периодизации, эволюции законодательства о сельскохозяйственном просвещении, классификации форм внешкольного аграрного образования, профессиональных учебных заведений, высшей школы, роли общественных инициатив в деле трансляции аграрно-научного знания. Высокой познавательной ценностью обладает реконструкция оптимальной модели и системных характеристик механизмов, форм, каналов распространения агрокультурных знаний и определения эффективности социальных практик в деле адаптации сельского населения к усвоению ценностей современного общества. В этом отношении исследование М. Д. Книга, решающее важную в теоретическом и практическом отношении проблему, можно оценить как серьезный вклад в развитие отечественной историографии аграрной истории России.

Для понимания логики и темпов становления системы сельскохозяйственного просвещения принципиальное значение имеет полученный М. Д. Книга вывод о слабой мотивации (ее отсутствии) у субъектов хозяйственной деятельности к форсированной модернизации аграрного производства, что объясняется длительным бытованием традиционного общества и натурально-потребительского хозяйства (с. 119). Необходимо отметить и тот факт, что в своих выводах и обобщениях автор опирается не только на первоисточники, но и на критический разбор

достижений предшественников, на анализ результатов научных споров относительно особенностей аграрного производства в России, что позволило сделать вывод о неэффективном аграрном производстве как ключевой проблеме пореформенного развития России (с. 60). Одной из самых драматических страниц в истории сельскохозяйственного просвещения М. Д. Книга называет реализацию правительственного курса по принуждению крестьян к культивации картофеля (с. 85). Ярко выраженная политика государственного попечительства, по мнению М. Д. Книга, при игнорировании и, по сути, блокировании развития частной инициативы, вылилась в жесткую государственную регламентацию процесса. Четко выраженную зависимость от степени внимания или невнимания каждого нового представителя правящей династии к проблемам аграрной эволюции социума следует учитывать в качестве критерия периодизации истории сельскохозяйственного просвещения (всего соискатель выделяет 7 последовательно и неспешно сменяющих друг друга этапов) (с. 119-120). И совершенно очевидно, что принципиальным отличием последнего этапа становится развитие гражданской инициативы в деле укрепления и распространения современной агрокультуры (в предшествующее время можно говорить лишь об эпизодическом обращении отдельных авторов к подобной тематике и деятельности двух центров распространения передовых знаний, созданных опять же по инициативе государства: ВЭО и МОСХ). Соискатель убедительно доказывает, что к 1915 г. доля финансового участия государственных структур в деле сельскохозяйственного просвещения стремительно сокращается, а земств и сельскохозяйственных обществ, напротив, возрастает (с. 130).

Высоким теоретическим значением обладает разработанная классификация форм внешкольного сельскохозяйственного просвещения. В Главе второй автор последовательно рассматривает консультационно-информационные и экспозиционно-демонстрационные формы трансляции передовых взглядов и технологий (С. 123-181).

В качестве очевидных достоинств работы хотелось бы отметить разработку теоретической модели национальной системы профессионального и высшего сельскохозяйственного образования. В своем исследовании соискатель убедительно доказывает, что успехи в деле совершенствования содержания образования, наличие когорты подготовленных специалистов позволили эффективно перейти к массовой трансляции аграрно-научных знаний в годы столыпинской реформы.

Важное теоретическое и практическое значение имеет полученный в диссертации вывод о завершении эпохи организационного и правового становления сельскохозяйственного профессионального образования, что подтверждается стремительным ростом числа учреждений соответствующего профиля на рубеже XIX – начала XX вв. (более чем в 4 раза только в 1893 – 1913 гг.) после введения правительственной регламентации сельскохозяйственных школ (с. 304).

В заключении подведены итоги и концептуально изложены результаты исследования, которые логически взаимосвязаны с выносимыми на защиту положениями (С. 21-23, 406-415). Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации. Апробация промежуточных результатов исследования была осуществлена в двух монографиях, 17 статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России, а также в научных статьях, опубликованных в сборниках и материалах научных конференций. Общий объем опубликованных работ превысил 43 п.л.

Положительно оценивая диссертацию М. Д. Книга в целом, хотелось бы остановиться на отдельных положениях, требующих дополнительной проработки и уточнений:

1. Непроработанность концептуального развития историографии проблемы отчасти объясняется отсутствием самостоятельного раздела в структуре исследования, посвященного методологии и историографии проблемы. При всем скептицизме, проявившемся в современных

исследованиях относительно теории модернизации, аграрное просвещение, на наш взгляд, выступает самым емким выражением системы механизмов и инструментов адаптации традиционного социума к вызовам эпохи модерна, альтернативой которой, как известно, стала насильственная коллективизация и раскулачивание. Отметим также, что подобный ракурс требует повышенного внимания к изучению зарубежной историографии аграрной истории имперской России. Это тем более очевидно, что по своему содержанию и позиции автора, выраженной в формулировках выводов и обобщений, работа великолепно вписывается в систему координат истории российской модернизации.

2. В одном из положений, вынесенных на защиту, М. Д. Книга констатирует тот факт, что инициатива осуществления сельскохозяйственного просвещения исходила в основном от государства (с. 32). Означает ли это, что вплоть до 1890-х гг. в России так и не сложилось системы гражданских институтов, осознававших потребность модернизации и действовавших независимо от государства? В этом отношении скудость общественных инициатив позволяет определить степень завершенности модернизационных процессов.

3. Предложенная автором периодизация исследуемой проблематики, включающая в себя два этапа (1890-е – 1906 гг. и 1907 – 1917 гг.), в целом сомнений не вызывает. Вместе с тем, имея в резерве исторического опыта десятилетия земской инициативы, сложно согласится с утверждением, что только голод 1891-1892 гг. поставил на повестку дня задачу создания системы сельскохозяйственного просвещения (с. 32).

4. В числе факторов развития системы сельскохозяйственного просвещения рассматриваются только конструктивные силы социально-экономического порядка и не учитываются условия блокировки государственных и общественных инициатив. Так, хронологические рамки двух этапов поглощают период Первой российской революции (1905-1907 гг.). С учетом данного фактора трудно представить, что итогом первого этапа

(1890-е – 1906 гг.) стало пробуждение у крестьян определенного доверия к правительственным и земским специалистам, возникновение интереса к новинкам аграрного хозяйствования. Напротив, погромные настроения революционного крестьянства нередко фокусировались на борьбе с новациями, и во время нападения на помещичьи экономии уничтожался высокопродуктивный скот, современное оборудование и т.д. Скорее начало поворота российских аграриев к признанию ценностей современного общества и укреплению доверия к новым технологиям относится к моменту начала нового экономического подъема, развития системы дешевых кредитов, ростом экспорта зерновых.

5. На наш взгляд, отдельным ракурсом рассмотрения проблемы выступает оценка радикализации общественных настроений как сдерживающего фактора, блокиратора общественных инициатив в деле развития сельскохозяйственного образования. Насколько были справедливы обвинения просветительских учреждений в распространении антиправительственной пропаганды (с. 283)?

6. Эффективность функционирования национальной системы аграрного просвещения в рассматриваемый период определяется, помимо прочего, и прочностью накопленного опыта. Заданная логика указывает на необходимость анализа и результатов деятельности правительственных и общественных структур в условиях революции 1917 г.

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что указанный ряд непринципиальных замечаний носит дискуссионный характер и не снижает положительной оценки диссертационной работы М. Д. Книга, так как она выполнена на высоком научном и профессиональном уровне, отличается научной новизной и актуальностью проблемы. Исследование является завершенным и самостоятельным научным трудом, вносящим весомый вклад в изучение государственной политики и социальных отношений в сфере агрокультуры в российской историографии.

Содержание диссертации соответствует п. 3 «Социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития»; п. 4 «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и ее регионов; п. 15 «Исторический опыт российских реформ»; п. 21 «История экономического развития России, ее регионов» Паспорта научной специальности 07.00.02 – Отечественная история ВАК при Минобрнауки РФ.

Диссертационная работа соискателя соответствует заявленной научной специальности и критериям Положения о присуждении ученых степеней (Постановление Правительства Российской Федерации от 24.09.2013, № 842), а ее автор – Книга Марина Давидовна заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

Автор отзыва: доктор исторических наук, профессор кафедры «История России и методика преподавания истории» историко-филологического факультета Педагогического института им. В.Г. Белинского ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» Сухова Ольга Александровна.

Место работы: Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Пензенский государственный университет». Адрес: 440026, г. Пенза, ул. Красная, д. 40. Должность: профессор кафедры «История России и методика преподавания истории» историко-филологического факультета Педагогического института им. В.Г. Белинского ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет». Тел.: 89272892041. E-mail: savtemp@yandex.ru.

Официальный оппонент, д.и.н.,
профессор кафедры «История России
и методика преподавания истории»
ПИ им. В.Г. Белинского ФГБОУ ВО
ПГУ

О. А. Сухова

«25» сентября 2018 г.

Подпись официального оппонента заверяю:
Ученый секретарь Ученого совета ПГУ

О. С. Дорофеева